

УДК 930.1:(94(430))

**ТЕОРИЯ ГЕРМАНСКОГО КОНТИНУИТЕТА О. ХЕФЛЕРА
В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА**

А. В. Хряков

**THE THEORY OF GERMAN CONTINUITY BY O. HOEFLER
IN THE POLITICAL AND SCIENTIFIC SPACE OF THE THIRD REICH**

A. V. Khryakov

Статья посвящена немецкому германисту Отто Хефлеру (1901 – 1987), профессору мюнхенского университета. Большинство немецких историков-медиевистов конца XIX – начала XX вв. рассматривало проблему континуитета лишь в контексте сохранения античного наследия в средневековой культуре. Хефлер представил теорию германского континуитета, которая выводила из языческой германской древности социальные и государственные институты не только средневековой, но и современной Германии. Рождение данной теории стало возможным в условиях роста немецкого национализма в послевоенной Германии.

The paper is devoted to O. Höfler (1901 – 1987), professor of Munich University, specialist in German History. Most late 19th – early 20th centuries German historians of the Middle Ages research the problem of continuity only as an issue of the Antique heritage influencing the Medieval culture. Höfler analyzed continuity as result of the development of the political and social institutions of the Pagan epoch, which have influence both on Medieval and on contemporary Germany. The genesis of this theory was possible in the conditions of the growing German nationalism after World War I.

Ключевые слова: О. Хефлер, германистика, теория континуитета, Третий рейх, национал-социализм.

Keywords: O. Höfler, German studies, theory of continuity, Third Reich, national socialism.

Вопрос о переходе западноевропейского общества от античности к средним векам никогда не был чисто теоретическим и умозрительным, но всегда носил актуальный политический характер. После окончания Первой мировой войны австрийский медиевист А. Допш, стремясь преодолеть психологический шок от краха 1918 г., воспринимаемого многими не иначе как «Закат Европы», представил свою концепцию европейской истории, где вместо цезур и катастроф господствовали континуитет и преемственность. В своей работе он констатировал наличие разнообразных линий, соединявших Римскую империю с ранне-средневековой Европой. Пытаясь защитить Германию от обвинений в варварстве, повсеместно звучавших в ходе войны, Допш способствовал разрушению прежнего образа примитивного германского варвара якобы разрушившего высокоразвитую римскую культуру. По его мнению, германцы не являлись варварами, они не только не уничтожили античность, но напротив, сохранили многие ее элементы и продлили их существование [8].

Одним из вариантов континуальных представлений о ранней европейской истории является теория германского континуитета, в которой новый глафицирующий взгляд на древних германцев стал определяющим. В то время как исследования XIX в. практически не уделяли внимания духовной стороне жизни германских народов и отрицали ее связь с государственным устройством и политической жизнью Европы, то в первые десятилетия XX в. сакральные представления германцев стали определяющими для понимания многих аспектов социально-политической истории не только средневековой, но и современной Германии [16]. Но если прежде подобного рода историзм был присущ исключительно любителям, то после Первой мировой войны и особенно в период

Третьего рейха данные представления получили свое распространение среди академической элиты и довольно успешно завоевали себе место в научной среде. Одним из адептов теории германского континуитета был немецкий германист Отто Хефлер (1901 – 1987), занимавшийся установлением якобы имеющейся сущностной связи между первобытными германцами и современными немцами.

Истоки теории германского континуитета следует искать не столько в научной плоскости, сколько в тех обстоятельствах, что сложились в германском научно-политическом пространстве на рубеже веков, обстоятельствах, которые не только сделали возможным саму постановку проблемы о наличии неразрывной связи между германцами и современными немцами, но и способствовали ее укоренению в научном дискурсе. Речь идет о стремительном распространении в немецком обществе откровенно националистической и антисемитской идеологии «фелькише». Само прилагательное фелькиш (völkisch), было образованно в последней трети XIX в. от слова «Volk» (народ), как альтернатива уже существовавшему в языке, но воспринимаемому негативно, слову «national» (национальный) [10, s. 23]. Речь шла не о простой замене одного слова на другое, а о принципиальной смене значения, в результате чего «фелькиш» стало обозначать не «национальный», а нечто совершенно иное, чему в других языках нет прямых аналогов. Сам термин стал означать специфическую форму национализма, основанную на признании приоритета кровной близости. Еще в 60-е гг. XX в. американский историк Джордж Мосс указал на гигантское влияние данной националистической идеологии на разнообразные стороны немецкой культуры рубежа XIX – XX вв. [14].

Долгое время это влияние фелькише на музыку, искусство, архитектуру воспринималось как маргинальное явление, связанное, прежде всего, с распространением кризисных явлений в сфере культуры, то есть находящееся вне ученой сферы. Наука воспринималась как свободная от данных националистических идей. Тем более, что немецкая историография имела репутацию «эталонной», следующей заветам великого Ранке, всегда изображать историю «какой она была на самом деле», без гнева и пристрастий.

Но именно поражение в Первой мировой войне привело к повсеместному распространению понятия «народ» в весьма узком материалистическом и даже этно-биологическом расовом значении. Немецкие правые начала XX в. (и движение фелькише в особенности) исходили из эксклюзивного характера народа и комбинировали его с зарождающейся расистской идеологией, в их работах границы между понятиями народ, нация и раса стремительно стирались. Если слово фелькиш и употреблялось в качестве синонима национального и этнического, то всегда в смысле расового национализма, так как расизм стал центральным элементом этого мировоззрения.

Кроме того в идеологии фелькише раса не была исключительно биологической величиной, фиксирующей чисто антропологические или генетические признаки; раса означала также идеальную сущность или даже метафизическую категорию [10, s. 36 – 38]. В основе понимания расы уже изначально лежали интеллектуальные спекуляции относительно сущности, происхождения и истории языка, народа и культуры, чьи внутренние характеристики и признаки соответствовали внешним и вместе с ними передавались по наследству. Благодаря этой неразрывной смеси естественнонаучных и гуманитарных спекуляций, расизм смог стать всеобъемлющим мировоззрением, с помощью которого пытались интерпретировать все без исключения социальные и исторические явления [3, с. 15 – 43].

В таких обстоятельствах родилась особая дисциплина – германоведение (Deutschkunde), которая во время Веймарской республики укоренилась в научно-образовательной сфере, способствуя национальной социализации подрастающего поколения. В ее рамках методы, заимствованные из классической германистики и этнографии, соединились с географией и биологией и создали не столько основу нового междисциплинарного синтеза, сколько гремучую идеологическую смесь, которая стала «научной» основой большинства националистических течений, в том числе национал-социализма. Новая дисциплина искала в языковых и фольклорных остатках германского прошлого следы, которые смогут продемонстрировать неизменный «немецких дух», «немецкую сущность» (Volkstum).

Наиболее востребованными понятиями в этой среде становятся понятия «целостность» и «единство». Эти и подобные им концепты понимались как синхронно, в рамках современного общества, так и диахронно в рамках сохранившихся органических, кровных связей с германскими предками. Стенания о нарастающем распаде органического коллектива на бесчисленное множество эгоистичных индивидуумов,

сочетались с жалобами о вреде нарастающей профессиональной научной специализации не позволяющей понять жизнь немецкого народа во всей ее полноте и целостности. Точно также в исторической перспективе предпочтение отдавалось преемственности, континуитету, неразрывным образом связывавшим современность с германской предисторией. По свидетельству Теодора Адорно: «В предфашистской Германии целостность была девизом всех тех, кто отстал XIX в. как в общем и целом устаревший... В эпоху первой публикации „Бытия и времени“ учение о первичности целого по отношению к частям как некий идеал приводило в экстаз все апологетическое мышление...» [1, с. 158].

Только в этих условиях стало возможным распространение и признание теории О. Хефлера, представителя венской школы германистики, развивавшей мысль о континуитете между германской древностью и современной культурой немцев [7]. В отличие от большинства представителей профессиональной историографии и, прежде всего, медиевистов, Хефлер рассматривал германцев не как варваров-язычников, пополнивших ряды цивилизованных народов лишь под влиянием римских и христианских традиций. По его мнению, германцы изначально отличались государственно-организационными способностями, позволившими им придти к «гигантским историко-политическим достижениям» [13, s. 1].

В основу своей диссертации «Культовые тайные союзы германцев» О. Хефлер положил народные сказания о так называемой «дикой охоте» и связанные с ними представления о существовании среди германцев тайных «мужских союзов» [11]. Подобного рода союзы, по мнению немецкого германиста, формировались для отправления ритуалов, в ходе которых армия воинов, исполняя танцы, впадала в экстаз, соединяясь с миром павших. Демонические маски, используемые в ходе ритуала, символизировали встречу двух миров, представляли собой «прорыв иррационального» в реальность, выступая взаимной связью и подстраховкой царства света и тени [11, s. VIII]. Складывались подобные союзы вокруг культа бога Вотана (Одина). По мнению О. Хефлера, германцы вошли в мировую историю лишь благодаря своим завоеваниям и созидательным государственным способностям и не удивительно, что выражением их воинственной сущности являлся бог Вотан.

Переживаемые в ходе отправления ритуалов экзотические переживания нашли свое отражение в мифах и поэтому, по мнению Хефлера и его учителя Рудольфа Муха (1882 – 1936), культ и связанные с ним ритуалы являются первичными по отношению к мифологическим сюжетам, а не наоборот [17, s. 9 – 10]. Рассмотренные в книге мужские культовые союзы немецкий германист объявил «центром германской жизни, источником религиозных, этических и историко-политических сил неслыханной мощи» [11, s. VIII]. Практически все политические и правовые институты европейского средневековья, включая цеха, гильдии, ордена, были, по его мнению, проявлением созидательной силы германских мужских союзов, восходящей к их языческим верованиям.

Свою ритуалистическую теорию Хефлер распространил не только на разные сферы исторической жизни германцев и их органических преемников в лице современных немцев, но и на разнообразные отрасли гуманитарного знания. Действительно, работы Хефлера обращают на себя внимание широтой замысла, отсутствием боязни делать глобальные выводы, присутствием разнообразной источниковой базы, сочетающей в себе как литературные, так и архивные источники. Он в совершенстве владел материалом мифов, саг, сказок, причем не только северо- и юго-европейских, но также африканских и азиатских. При этом его ни в коем случае нельзя назвать позитивистом, ему претило простое коллекционирование фактов и сосредоточенность на единичных явлениях культуры, более всего он стремился не просто к пониманию, а к интуитивному проникновению в суть изучаемых явлений. На место научных рационально мотивированных принципов познания, внутренней непротиворечивости, объяснению причинно-следственных связей, верифицируемости результатов исследования Хефлер предлагал поставить «чувства», «созерцание», «интуицию» [12, s. 2 – 3].

Собственно пониманию континуитета О. Хефлер посвятил свое выступление на XIX съезде немецких историков, прошедшем в Эрфурте с 5 по 7 июля 1937 г. куда он был приглашен В. Франком, «фюрером» немецкой исторической науки [5]. В своем докладе Хефлер затронул довольно локальный сюжет европейской средневековой истории, но как и в других своих исследованиях, немецкий германист сделал совершенно поразительные по своим масштабам выводы, которые никак не вяжутся со значимостью рассмотренного вопроса.

Утверждая свое право на формулирование новой теории, Хефлер в докладе «Проблема германского континуитета» выступил с критикой всей предшествующей историографической традиции, обвиняя ее в изначальном антигерманизме и римско-христианской ангажированности. По мнению германиста, основы подобного пренебрежительного подхода восходят к схеме четырех великих империй прошлого, предложенной еще Иеронимом в IV в. н. эры, в основе которой лежал созданный христианством дискретный образ истории. Её «национально-римский», враждебный в отношении всего германского, взгляд по-прежнему превалирует в мировой историографии [12, s. 4 – 5]. Сегодня вычленение в «органическом развитии» немецкой истории отдельных эпох, таких как древность, средневековье, Ренессанс и Реформация происходит у историков уже «машинально» и ведет к пониманию «образа нашей истории» как «распавшегося» на отдельные осколки, а не всеохватного, целостного и единого.

Именно эти «духовные чары» церковной историографии и тесно связанного с ней позитивизма, по мнению Хефлера, скрывают и затуманивают взгляд на факты немецкой истории и происхождение германцев. В реальности же история германских народов более чем другие «характеризуется континуитетом». Именно у германцев «историческое единство жизни» менее всего было подвержено разрывам. И связано это с континуитетом и постоянством таких элементов

как: нордическая раса, язык, территория, наконец, государство. В отличие от остальных народов Европы, современные немцы сохранили со своими германскими предками нерушимую «живую связь», позволяющую фактически отождествлять немцев с германцами [12, s. 5].

Для того чтобы продемонстрировать эту сохранившуюся связь с современностью, О. Хефлер обращается к культуре императорских инсигний и прежде всего, священному копыю. В докладе германиста речь идет о копье Константина Великого, владельцем которого долгое время являлся король Бургундии Рудольф. Ценность этого артефакта состояла в том, что при его изготовлении использовались гвозди, которыми был прибит к кресту сам Иисус Христос. История этого копья и обстоятельства его обретения немецким королем Генрихом I изложена у Лиутпранда Кремонского [2, с. 84 – 85]. Хефлер опираясь на тексты Павла Диакона, Григория Турского, а также скандинавские изобразительные памятники утверждает, что задолго до этой истории у различных германских племен существовало почитание копья. Священное копьё присутствовало и в древнегерманских мифах, прежде всего, как знак нордического бога Вотана (Одина) и соответственно присутствует в традиции практически всех северных германских народов. Вотан для германцев это не только мифический персонаж, король богов, он сохранил все качества как культовый бог королей, т. е. он считался богом исторических королей, предком германских фамилий. Передавая священное копьё из рук в руки, германские вожди, а в последующем короли передавали его как священную реликвию как воплощение власти [12, s. 9].

На территории Скандинавии, прежде всего, в шведской провинции Бохуслэн, на скалах Литслеби, Каллеби и др. встречаются изображения священного оружия и копьеносцев, относящихся к первому тысячелетию до нашей эры. Таким образом, священное копьё было известно германцам задолго до Рождества Христова и воспринималось как королевский знак высшего бога, прародителя германских правящих родов. Тем самым, по словам Хефлера, «религиозно-историческая проблема» стала «политико-исторической» [12, s. 13].

Кроме того, как отмечает немецкий германист, в сообщениях Видукинды есть упоминание о «священном копье», которое перешло к Генриху I в момент коронации в числе прочих королевских инсигний, т. е. прежде обретения копья бургундского герцога Рудольфа. Первый, пока еще предварительный вывод, который делает Хефлер, заключается в том, что немецкие короли владели собственными инсигниями независимо от христианских. И, следовательно, по его мнению, нельзя возводить немецкую историю лишь к римскому Югу [12, s. 20].

Но О. Хефлер не останавливается на достигнутом, а делает еще более значимый вывод о необходимости совершенно нового взгляда на историю древнегерманской, а вместе с ней и всей последующей истории. По мнению, немецкого ученого, позитивистская историография недопустимым образом свела духовную жизнь германцев исключительно к

христианству, причастность к которому якобы и определяла сакральный статус многих средневековых институтов и, прежде всего, королевской власти. В своем выступлении на съезде Хефлер призвал отвергнуть, присущий немецкой исторической науке «дуализм», разделявший «мирскую» и «духовную» сферы германской жизни. Само это деление, по его словам, было неизвестно древним германцам, вся их жизнь была пропитана религиозным сакральным содержанием, недоступным для рационального понимания [12, s. 21].

Анализируя пример с копьем, Хефлер в отличие от традиционной исторической науки призывает при изучении дописьменных эпох использовать совершенно иные методологические инструменты, обращаться, прежде всего, к анализу культовых ритуальных практик, среди которых культы плодородия, солнца, мертвых [12, s. 22]. Подобного рода мистерии связывали внутреннюю структуру обществ, становясь основой человеческих общностей. Они демонстрируют существование континуитета между древностью и средневековьем, в том числе, в существовании различных средневековых корпораций, придавая им сакральный мистический характер. Современная же социальная история оставляет подобные сообщества и союзы вне своего внимания. Исходя из этого, по мнению немецкого германиста, требуется по иному взглянуть на возникновение таких корпораций как рыцарство, купеческие гильдии [12, s. 23].

Но, несмотря на ряд проницательных замечаний, присутствовавших в выступлении Хефлера, общий тон его работы был очевиден, по его мнению, континуитет возможен только на расово-биологической основе и лучше всего эта основа сохранилась у немцев. Присущие древним германцам специфические ритуальные переживания это выражение их принадлежности к высшей нордической культуре. В отличие от того же А. Допша, у О. Хефлера вопрос стоял не о равнозначности германской и римской культурной и государственной традиций, а об историческом первенстве германцев в Европе по отношению не только к славянам и кельтам, но и к римлянам.

Идеи Хефлера нашли отклик среди эсесовцев и самого Генриха Гимmlера, проповедовавшего среди членов своего «ордена» особую идеологию избранничества [4]. Антихристианский и антиримский аффект работ немецкого германиста был практически во всем, вплоть до мелочей, созвучен целям и представлениям Гимmlера. Он также обвинял христианство, якобы приведшее к сознательному искоренению и забвению первобытных природных творческих сил германской расы. На место догматов христианской церкви, вождь СС, стремился утвердить культ предков, считая, что именно против этого «корня» жизни древних германцев некогда ополчилась христианство.

С 1935 г. Хефлер являлся ординарным профессором Кильского университета и директором местного Семинара по немецкой филологии, но уже в 1938 г., т. е. практически сразу после своего выступления на съезде немецких историков, он был приглашен возглавить кафедру «германской филологии и этнологии», созданную специально для него в Мюнхенском

университете Людвиг Максимилиана. Назначение Хефлера в Мюнхен было связано не только с его научными заслугами и достижениями в деле изучения религии древних германцев, политические обстоятельства также играли свою роль. Инициатива приглашения Хефлера исходила от известного индогерманиста, протезе Генриха Гимmlера, декана философского факультета мюнхенского университета Вальтера Вюста, а по совместительству главы скандально знаменитой организации «Аненербе» [15, s. 43 – 46].

Этот случай показывает тот научно-политический фон, контекст, в котором осуществлялась кадровая политика в Третьем рейхе. Становится понятным, какие силы и ресурсы (персональные и организационные) могли задействовать претенденты для занятия тех или иных академических должностей и какой «символический капитал» они могли предложить в плату за поддержку. Научной компетенции уже не хватало для беспрепятственного утверждения в должности. Так как за каждым из кандидатов всегда маячила тень какого-либо высокопоставленного чиновника, то для успешной борьбы требовались и соответствующие идеологические или политические заслуги.

Сегодня не у кого не вызывает сомнения тот факт, что О. Хефлер внес существенный вклад в идеологическое оправдание и укрепление национал-социализма. Он не был нацистом из оппортунистических соображений как многие другие ученые, его приверженность нацистской идеологии была другого свойства, он был внутренне убежден не только в мировоззренческих основаниях, но и в практической необходимости национал-социализма [9]. По словам одного из учеников Хефлера, после падения монархии в 1918 г. он верил в «восстановление Рейха в средневековом стиле», он считал что «Третий рейх сможет восстановить империю германцев, в которую должны войти скандинавы и жители Нидерландов» и именно эта вера привела его к Гитлеру и его движению [6, s. XIII].

Он с самого начала пришел к соглашению с нацистскими властями и использовал научную организацию со всеми ее ресурсами и возможностями. Высокое место в университетской и научно-исследовательской иерархии было необходимо немецкому ученому для того чтобы распространить собственный идеологизированный образ германцев, навязав его другим участникам научного поля в качестве обязательного, подкрепленного не столько серьезными научными доказательствами, сколько всей мощью стоящего за ученым государственного аппарата.

Литература

1. Адорно Т. В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / пер. Е. В. Борисов. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2011.
2. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / пер. с лат. и комментарии И. В. Дьяконова. М.: SPSSL-Русская панорама, 2006. С. 84 – 85.
3. Шнирельман В. А. «Порог толерантности». Идеология и практика нового расизма. Т. 1. М.: НЛЮ, 2011.
4. Ackermann J. Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, Zürich, Frankfurt: Musterschmidt, 1970.
5. Botzenhart W. Der 19. Deutsch e Historikertag in Erfurt 5. bis 7. Juli 1937 // Historische Zeitschrift. Bd. 156. 1937. S. 659 – 667.
6. Birkhan H. Vorwort // Höfler O. Kleine Schriften. Ausgewählte Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Religionsgeschichte, zur Literatur des Mittelalters, zur germanischen Sprachwissenschaft sowie Kulturphilosophie und –morphologie / Hrsg. von H. Birkhan. Hamburg: Buske, 1992. S. IX – XV.
7. Bockhorn O. Zur Geschichte der Volkskunde an der Universität Wien. Von den Anfängen bis 1939 // Sichtweisen der Volkskunde. Zur Geschichte und Forschungspraxis einer Disziplin. Festschrift für Gerhard Lutz zum 60. Geburtstag / Hrsg. von A. Lehmann und A. Kuntz. Berlin, Hamburg, 1988. S. 63 – 83.
8. Dopsch A. Der Wiederaufbau Europas nach dem Untergang der alten Welt. Inaugurationsrede, gehalten am 26. Oktober 1920. Wien: Seidel, 1920.
9. Gajek E. Germanenkunde und Nationalsozialismus. Zur Verflechtung von Wissenschaft und Politik am Beispiel Otto Höflers // Völkische Bewegung – konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, Cl. Vollnhals. Dresden: W. E. B. Universitätsverlag, 2005. S. 325 – 355.
10. Hartung G. Völkische Ideologie // Handbuch zur «Völkischen Bewegung» 1871 – 1918 / Hrsg. von U. Puschner, W. Schmitz, J. H. Ulbricht. München, New Providence, London, Paris: K. G. Saur, 1996. S. 22 – 41.
11. Höfler O. Kultische Geheimbünde der Germanen. Teil. I. Frankfurt am Main, 1934.
12. Höfler O. Das germanische Kontinuitätsproblem // Historische Zeitschrift. Bd. 157. 1938. S. 1 – 26.
13. Höfler O. Die politische Leistung der Völkerwanderungszeit // Höfler O. Kleine Schriften. Ausgewählte Arbeiten zur germanischen Altertumskunde und Religionsgeschichte, zur Literatur des Mittelalters, zur germanischen Sprachwissenschaft sowie Kulturphilosophie und –morphologie / Hrsg. von H. Birkhan. Hamburg: Buske, 1992. S. 1 – 16.
14. Mosse G. L. The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich. New York: Grosset and Dunlap, 1964.
15. Kater M. Das «Ahnenerbe» der SS 1935 – 1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974.
16. See K. von. Kulturkritik und Germanenforschung zwischen den Weltkriegen // Historische Zeitschrift. Bd. 245. 1987. S. 343 – 362.
17. Zimmermann H. P. Männerbund und Totenkult. Methodologische und ideologische Grundlinien der Volks- und Altertumskunde Otto Höflers 1933–1945 // Kieler Blätter für Volkskunde. 26. 1994. S. 5 – 27.

Информация об авторе:

Хряков Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, alexchrjakov@yandex.ru.

Alexander V. Khryakov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Word History, Omsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.